

Что же касается толкования полученных результатов, то, к сожалению, их полноценное описание на основе одной лишь весьма лаконичной таблицы не представляется возможным. Значения некоторых ячеек по разным причинам остались за пределами нашего понимания: как правило, это слова вне контекста, допускающие различные варианты перевода. Однако, принимая во внимание большое число суфийских терминов, можно попытаться приблизиться к ее пониманию, не забывая при этом, что основное предназначение таблицы — испытать чистоту веры вопрошающего.

Вопрос о происхождении геомантии остается открытым [Binghamton 1996], однако можно с уверенностью утверждать, что в Европу она пришла именно из мусульманского мира. Подтверждением этому служит в частности тот факт, что в европейской традиции при гадании записи ведутся справа налево. Если наше предположение о родстве представленной в рассматриваемой таблице гадательной практики и *'илм ал-рамл* верно, мы можем наблюдать интереснейший образчик эволюции этого «жанра» — от ямок на песке к сложной системе понятий, образованных смешением эллинистических, арабийских, местных суфийских и народных представлений — своеобразной карте духовного мира мусульманина.

Binghamton W. von. The Astrological Origin of Islamic Geomancy // 15th Annual Conference: «Global and Multicultural Dimensions of Ancient and Medieval Philosophy and Social Thought: Africana, Christian, Greek, Islamic, Jewish, Indigenous and Asian Traditions». Binghamton University, Department of Philosophy / Center for Medieval and Renaissance studies, October 1996.

Calverley E. E., Netton I. R. Nafs // EI.

Chardin J. Voyage du chevalier Chardin en Pers et autres lieux de l'Orient. Vol. X. Paris, 1811.

Fahd T. Khatt // EI.

Masse H. Croyances et coutumes persanes. Paris, 1938. P. 248.

И.В. Стасевич

**ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЗРАСТНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ СТАТУСАХ
В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН)**

В июле–августе 2007 г. в рамках исследовательского проекта отдела Центральной Азии МАЭ РАН «Традиция в условиях перемен» была осуществлена этнографическая экспедиция в Республику Казахстан. Работы проводились в Актюбинской области.

Настоящая статья представляет некоторые итоги проведенной работы.

Как показали исследования, на сегодняшний день у казахов сохраняется традиционное представление о возрастных классах. Жизненный путь человека измеряется не просто по прожитым годам, а по пережитым *мушелями* – двенадцатилетним временным периодам. Каждый *мушель* рассматривается как этап жизни, новая ступень, после прохождения которой изменяется поведение человека в соответствии с новым возрастным статусом.

Для ребенка значимым моментом оказывается тринадцатилетний рубеж. До первого *мушеля* и девочки (*кыз бала*), и мальчики (*ер бала // боз бала*) считаются детьми. И только после тринадцатого дня рождения они переходят в новую возрастную группу деvушек (*кыз*) и юношей (*жигитов*). С этого времени начинается настоящее воспитание и подготовка молодых людей к будущей самостоятельной семейной жизни.

После двадцати пяти лет молодой мужчина переходит в статус *жигит-агасы*, что подразумевает наличие у него определенного жизненного опыта, следовательно, способности решать насущные семейные вопросы. Девушки сохраняют свой статус до замужества и только после брака приобретают статус *келіншек* – замужней женщины, который сохраняют, по словам информантов, до рождения первого ребенка. К двадцати пяти годам женщина должна показать родне мужа, на что она способна в домашнем хозяйстве, как воспитывает детей и уважает стариков. И если она соответствует традиционным нормам, то приобретает статус *аель*. Женщина, имеющая внуков, независимо от ее возраста, переходит в статус *аже* – бабушки.

По поводу возрастного статуса мужчин после 37 лет мнения информантов разошлись. Большинство представителей старшего возраста настаивали на том, что после 37 лет мужчина переходит в разряд *аксакалов* и может отращивать бороду. В этом статусе мужчина прибывает до 61 года, а затем становится *пайгамбар жасы* – достигает возраста пророка Мухаммеда. Но те же информанты отмечали, что статус *аксакала* применим только к тем мужчинам, которые имеют внуков, поэтому *аксакалом* мужчина может стать и в сорок, и в шестьдесят лет, так как молодые люди теперь женятся поздно, а, следовательно, дети (и внуки) появляются у них позже, чем это было принято в традиционной культуре.

И мужчины и женщины считают, что к пятидесяти годам человек приближается к старости. Большое значение для определения возрастного статуса играет семейное положение человека, в частности, наличие женатых детей и внуков. Пожилые женщины, не имеющие внуков, рассматриваются самими носителями

традиции как «ущербные, неблагополучные бабушки». На пожилых мужчин, у которых нет внуков, обращают меньшее внимания. По-видимому, в данном случае сказывается традиционное представление о том, что за бездетность семьи несет ответственность в первую очередь женщина.

Несмотря на то, что некоторые этапы жизни современными носителями традиции рассматриваются в несколько ином ракурсе (варьируют как сами названия, так и возрастные границы), чем скажем в XIX в., общее представление о биосоциальных ритмах жизни общества и человека сохраняется и предстает как живая функционирующая система.

Наблюдая за женщинами в семейном окружении, мы пришли к некоторым заключениям по поводу специфики их поведения и ориентированности этого поведения на традиционные стереотипы.

Девушки до замужества и женщины, не вышедшие замуж, ведут себя достаточно независимо, более смело, чем замужние сверстницы, что, в принципе, соответствует традиционной модели поведения казахской женщины до брака. Девочек в семье стараются баловать до 13 лет (до первого *мушеля*). Сохраняется традиционный взгляд на девочку как на гостью в своей семье, поэтому ей уделяется большее внимание, иногда даже бульшая любовь и забота, чем мальчикам.

Ограничение свободы в поведении наступает с момента замужества, во время нахождения женщины в статусе *келин* – младшей невестки. Кроме того, в общении между самими снохами также прослеживается традиционная модель отношений старших (*абысын*) и младших (*ажын*). Старшая сноха играет большую роль в жизни семьи. Именно к ней после смерти свекрови, если у той нет незамужней дочери среднего возраста, переходит статус старшей женщины в семье.

До настоящего времени сохраняются традиционные статусы, а следовательно и поведенческие стереотипы старшей женщины в семье – свекрови и невестки.

Невестка, следуя обычаю, не называет имен старших родственников мужа. Обычно это условие оговаривается на семейном совете, где определяются способы обращения невестки к родителям и родственникам мужа. Кроме этого, невестка, даже если она не живет в одном доме со свекром и свекровью, в их присутствии должна придерживаться традиционного этикета в одежде, не есть при старших, разливать чай за столом, не вступать первой в беседу. А если женщина живет в одном доме с родителями мужа, то к этим обязанностям добавляются дополнительные: раньше всех вставать, готовить чай, будить и приветствовать родителей мужа, слушаться свекровь, выполнять все ее поручения по ведению до-

машнего хозяйства. Большинство женщин высказались, что не испытывают затруднений при выполнении подобных правил поведения, считают их нормой, хотя каждая из опрошенных смогла привести пример психологического, а иногда и физического насилия со стороны свекрови. Однако те же информантки отметили, что бывают и исключения, когда свекровь любит свою невестку больше, чем родного сына, заботится о ней как о дочери.

Женщины старшего возраста ведут себя уверенно, открыто высказывают свои суждения, держатся как полноправные хозяйки дома, наравне с мужчинами, которых, тем не менее, признают хозяевами в доме и всегда прислушиваются к их мнению. Традиционно женское лидерство в семье является скрытым, никогда не афишируется на людях.

Следуя традиции, статус незамужних женщин («старых дев») в обществе достаточно низок. Их жалеют, так как у них нет своих семей и детей, редко приглашают в гости и на семейные торжества. Женщины говорят, что старых дев неудобно приглашать в гости, так как обычно все мужчины приходят со своими женами и присутствие незамужней женщины может вызвать ревность замужних женщин.

Но в семье статус незамужней женщины оказывается выше, чем статус снохи. Незамужняя дочь в доме своих родителей всегда сидит на почетном месте. В случае смерти матери дочь, оставшаяся в семье, если она достаточно взрослая и у нее есть способности вести хозяйство, может занять место старшей женщины в семье со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями. Она может воспользоваться правом свекрови на воспитание детей своего брата, она ведает всеми хозяйственными делами и часто распоряжается финансами семьи.

Женщины, посвятившие свою жизнь общественной работе, признавались, что женщине-руководителю бывает трудно найти мужа, так как на такую женщину мужчины смотрят по-особому. Для мужчины-казаха жениться на женщине, имеющей более высокий общественный статус, чем он, унижительно, это противоречит традиционным взглядам на семью.

В то же время мужчины подчеркивали, что к незамужней женщине, даже средних лет, традиционно относятся с большим уважением. А незамужние женщины-руководители отмечали, что статус девушки помогает им в работе, так как мужчины не могут переступить через традицию и относятся к ним с большим уважением, чем если бы они были замужем, а следовательно находились под опекой своего мужа. Подчинение такой женщине, имеющей высокий социальный статус, но при этом не имеющей статуса семейной женщины, не рассматривается мужчинами как уни-

жение. Таким образом, должностной статус незамужней женщины-руководителя подкрепляется социальным статусом девушки. Ее общественное положение рассматривается носителями традиции как личная заслуга, не подкрепленная статусом мужа.

Н.С. Терлецкий

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ О «ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ МЕККЕ»

11 декабря 1912 г. в помещении Туркестанского окружного инженерного управления состоялось очередное заседание Туркестанского кружка любителей археологии, на котором членом означенного научного собрания известным востоковедом Л.А. Зиминным был сделан доклад на тему «Сказание о городе Оше» (Текст доклада был позже опубликован [Зимин 1913: 3–16]). В основе данного сообщения лежали данные, изложенные в трактате, озаглавленном «Уш шахри рисаласи» («Предание о городе Оше») и напечатанном в 1885 г. в «Туркестанской туземной газете» на тюркском языке. Чтение его русского перевода и комментарии составили основную часть доклада. Сведения, которыми мы располагаем относительно этого сочинения, весьма скудны. Оно представляет собой сборник, в котором анонимный автор приводит более десятка *хадисов* (носящих явно подложный характер), связанных с городом Ош, прославляющих это поселение и его жителей, рассказывающих о пребывании в нем многочисленных мусульманских праведников и пророков. Повествуя о благословенности этого города, вошедшие в сборник предания также содержат информацию о тех выгодах и пользах, которыми воздастся совершение в нем паломником благочестивых действий. Составление данного сборника можно датировать примерно XVIII в. [Абашин, Огудин 2003: 78].

В собрании Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН хранится рукопись сочинения, по своему характеру, а отчасти и по содержанию близкого тому, что было использовано Л.А. Зиминным. Этот небольшой по объему (3 листа — 42а–44а) трактат на персидском языке, озаглавленный «Дар байан-и рисала-и Уш» («Из предания об Оше»), зарегистрирован под шифром С2038. Анонимное сочинение, представляющее собой незаконченный список, входит в состав сборной рукописи, размером 24,7 × 14,2 см., с восточным картонным переплетом, покрытым кожей. Текст выполнен почерком *наста'лик* черной тушью на восточной (среднеазиатской) бумаге в поле размером 19,5 × 9,5